

Ленинградская правда
13 марта 1969.

РАЗГОВОР О СОВРЕМЕННОМ ГЕРОЕ

Кирилл ЛАВРОВ:

Я ВИЖУ В НИХ ОБЩЕЕ

НЕДАВНО на наших страницах мы начали разговор о положительном герое в произведениях современного советского искусства. Мы открыли этот цикл статьей народного артиста республики Игоря Горбачева, который рассказал о своей работе над образом современника на драматической сцене, о поисках средств воплощения характера человека наших дней.

Круг этих же проблем решает в своем творчестве и другой ленинградский актер — заслуженный артист республики Кирилл Лавров. Им создано много ярких, масштабных образов современников и на театральной сцене и на экране. В последнее время Лавров активно снимался в кинематографе и завоевал большую популярность у кинозрителей. Наши корреспонденты М. Ильина и К. Ключевская попросили его рассказать об этих работах.

СИНЦОВ в «Живых и мертвых», комиссар в «Залпе «Авроры», Лапин в «Верьте мне, люди!», Костя Ласточкин из «Ссоры в Лукашах» и еще незнакомый зрителям капитан из фильма «Нейтральные воды» — все эти герои, в которых мне довелось перевоплощаться, в общем-то не похожи друг на друга. У них разный характер, возраст, и жили они в разные годы. Но при всей разности я вижу в них общее. Мне хотелось показать в них самую главную, по-моему, человеческую черту — верность и страстную убежденность. Я стремился выявить ее у всех.

Мне лично импонируют именно такие характеры, я думаю, что в них всегда должна прямолинейно и четко проявляться человеческая сущность. И я люблю за это своих героев.

Действительно, какой бы характер ни создавал Лавров, он всегда соотносит его с высказанным здесь кредо. Поэтому, можно сказать, что единой творческой темой объединены у него не только роли, которые принято называть «положительными», но такие полярно противоположные герои, как Синцов и вор-уголовник Лека Лапин из картины «Верьте мне, люди!».

— Роль Синцова была сложна, как и сама задача перенесения на экран широкого литературного полотна К. Симонова, — рассказывает К. Лавров. — Роман охватывал трагический период Великой Отечественной войны — ее первые месяцы — все скорбное, гнетущее, время отступления, боев в окружении. Но авторы фильма хотели показать, как в этой сутолоке, смятении, растерянности зрела та сила, которая уже в декабре отбросила немцев от Москвы.

Казалось бы, сценарий предлагал актеру только иллюстрацию. Ему удалось большее: разгадать, как и почему именно так, а не иначе действовал Синцов и тысячи тысяч таких, как Синцов, а значит, понять природу той силы, которая обеспечила в конечном итоге нашу победу. Лавров открыл сложный и одновременно на редкость простой мир советского человека, вставшего на защиту своей Родины, мир, в котором нашли отражение мысли и переживания, сомнения и радости многих людей. Из потока встреч, событий, мыслей на экране складывалась человеческая судьба, вырисовывался характер, диктовавший эту судьбу. Это был человек, осознавший свое место на земле и свое место в истории, бесстрашно, без всякой позы, выполняющий свой долг перед людьми, перед Родиной, перед самим собой. В этом была его гордость, его достоинство, его свобода — так понимал Лавров образ Синцова.

— «Мы не ползуем», — говорит о себе Синцов. И я стремился сыграть его именно таким человеком, раскрывая это качество в самых тяжелых условиях. В его дом пришла враг, и Синцов не прячется, не сгибается, он принимает открытый бой. Он на передовых позициях не по долгу службы военного корреспондента, а по велению сердца.

Много неурядиц во фронтовой жизни Синцова: приходится бороться не только с врагом, но и с недоверием, несправедливостью, подлостью, и тут он тоже не приспосабливается, не ловчит, не сводит счеты. Трусавое предательство Люсины, побоявшегося удостоверить личность Синцова, когда он вышел из окружения, для него лишь досадное недоразумение, которое мешает бы-

стрее вернуться на фронт, а вовсе не повод для рефлексии. Синцов, безусловно, презирает Люсину, злит на него. Но я понимал, что эти чувства не должны мельчить характер героя, который умеет подчинить все главному в этот момент. Он из тех непреклонных и прямых людей, без которых трудно в мирное время, а в военное — еще труднее.

В сложнейших жизненных обстоятельствах утверждает Синцов-Лавров истинные моральные ценности человека, как будто на собственных ладонях взвешивая добро и зло, верность и измену, отвагу и трусость. Его внутренний мир суров, неясен. Синцов Лаврова подкупил зрителей своим гражданским мужеством и кристальной честностью. Он не делает вид, что верит, не делает вид, что любит, не делает вид, что предан. Он действительно верит, любит, предан. Другого человека, менее цельного, трудности, выпавшие на долю Синцова, могли бы в конце концов разубедить, озлобить. Но Синцов остался верным идее, преданным душою, сердцем, корнями своим. Он остался честным перед самим собой. Эти человеческие качества очень важны в людях, в какое бы время они ни жили.

Роль «вора в законе» Лека Лапина казалась неожиданной после энергичного и общительного Кости Ласточкина из фильма «Ссора в Лукашах», скромного и честного кохозного счетовода Федора из картины «Домой», экскаваторщика Стрельцова из ленты «Девчонка, с которой я дружил» и целого ряда других ролей молодых современников, в которых проявлялась яркая типичность Лаврова, его большое актерское обаяние, и особенно после Синцова. Но приглашение Лаврова на роль Лапина не было случайностью.

Уже в ранних своих работах в кино актер всегда подчеркивал в героях преодоление слабости, мужание души. Ему удавались моменты выбора, точки кризиса в жизни человека. И в картине «Верьте мне, люди!» зрители видят героя в переломный момент его биографии — вор стремится начать новую, честную жизнь.

— Название фильма, — продолжает рассказ Лавров, — абсолютно точно выражает его главную мысль — верьте мне, люди! — и я оправдаю то лучшее, что есть во мне. Доверие — тот фундамент, на котором должны строиться отношения в нашем обществе. Подозрительность порождает обман, калечит человеческие судьбы. Интересно, что тема доверия разработана автором сценария Юрием Германом на самом, казалось бы, не подходящем для этого материале — речь идет об уголовнике, отягчившем свою биографию многими преступлениями, о его перевоспитании. Мгновенная перековка вора в распростертых объятиях доверчивых милиционеров была бы слащава и ложна.

Тем сложнее оказывалась задача исполнителя роли этого уголовника. Лавров нашел, пожалуй, единственно правильное решение: он подошел к анализу характера своего Лапина с тех же максималистских позиций, с каких оценивает он и своих положительных героев. Без всякой снисходительности, не извиняя ничего в его темном прошлом, но и без предвзятой подозрительности. Ведь, в самом деле, трагически не везет парню — в шайку попал, оставшись сиротой, за несколько дней до конца срока оказался заподозрен в

убийстве — бежал, и опять началась для него жизнь, в ближайшем будущем которой неизбежно маячит все та же тюрьма. Поэтому безысходной обреченностью, а не воровским «шиком» отмечены сцены, где Лавров играет Лапина-вора. Его герой полагает, что «завязать» ему не суждено, но сообщников своих ненавидит и презирает. И себя вместе с ними.

— В этом смысле важной казалась мне весьма проходная сцена на пляже. Лапин под видом честного человека поселился в небольшом пригородном домике. Вечером вместе с хозяйкой, к которой искренне, а не для конспирации привязался, гуляет по пляжу. На мгновение отодвинулся назад тревоги, забыта ложь... И тут их окликают милиционеры. Мгновенно встрепенулся Лапин, глазами прикидывает, куда можно скрыться на пустынном пляже. Не случайны такие мгновенные переходы от душевной расслабленности к настороженной готовности действовать (закрытие-то у человека какое нервное — вор!). Дело у милиционера оказалось пустяковое. Но какое трагическое презрение к себе должно быть у Лапина; его охватывает не радость, что «проскочило», а горестное понимание, что так жить нельзя. Эту мысль я хотел донести до зрителя в сцене на пляже.

Пожалуй, именно эта мысль, осознание героем своего положения больше всего и убеждает нас в том, что такому Лапину можно верить. Несмотря на все ошибки, кражи, обманы, совершенные им, можно верить человеку, который сам, без скидок, вынес своей жизни суровый приговор и готов привести его в исполнение.

Скупость, почти аскетизм средств выражения, предельная простота и лаконизм внешнего рисунка роли при активной и сложной внутренней жизни персонажа — вот черты, отличающие эту одну из лучших работ Лаврова в кино. Ему удалось глубоко раскрыть процесс переосмысления человеком своей жизни и жизни окружающих.

Особое место среди героев-современников Лаврова на экране занимает образ комиссара Бельшева в фильме «Залп «Авроры». Бельшев — лицо реальное, и в воплощении его на экране актеру пришлось решать сложную задачу сочетания документальности и художественности.

— Было трудно. До сих пор играл людей простых, обыкновенных. А здесь историческая личность. Получилось слишком приподнято и плакатно. Потому что думал не о человеке, а о героизме аврорцев. Для моего поколения революция — это романтика, подвиг, мужество. Александр Викторович Бельшев, с которым я не раз встречался, советовал: «Попроше, попроше... Революция-то просто делалась. Я выполнял приказ, полученный в Смольном, и только. Офицеры отказались вести «Аврору» к Николаевскому мосту. Что делать? Матросы воедино корабля не обучены. Фарватер в Неве не промерен. А ну как динице пропореет. Вот что вышло...».

Очень простые, конкретные вещи... И я стал искать конкретный характер этого человека, его главные черты.

Здесь, как и в других картинах, Лавров избегает ложной монументальности, избегает и подтекстов, подводных течений. Он весь устремлен к кульминации, к тому моменту, когда его герой примет решение. И как другие герои Лаврова, примет его не колеблясь. Единственное для него возможное решение. Он сам поведет корабль. А потом так же просто прозвучит историческая команда: «Носовые! Огонь!!!».

Герой Лаврова в кино — такие разные — каждый по-своему остаются верными себе до конца. Они органически не могут приспособиться, кривить душой. Они идут по земле разными дорогами, но сами выбирая свои пути.